

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Н. С. ПОСПЕЛОВ

СИНТАКСИЧЕСКИЙ
СТРОЙ
СТИХОТВОРНЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ПУШКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО

Н. С. ПОСПЕЛОВ

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СТРОЙ
СТИХОТВОРНЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ПУШКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1960

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик В. В. ВИНОГРАДОВ

*Посвящается памяти
Бориса Викторовича
Томашевского*

ОТ АВТОРА

Настоящая работа представляет собою опыт изучения синтаксического строя стихотворных произведений Пушкина, различных по своему метрическому строению («Руслан и Людмила», южные поэмы, «Евгений Онегин», «Медный Всадник»).

В первой, вводной главе, предваряющей анализ конкретного материала, делается попытка осветить основные особенности синтаксического строения стихотворной речи и указать разнообразные факторы сложности синтаксической структуры стихотворных произведений.

В основном корпусе своей работы автор стремится раскрыть структурное многообразие стихотворных произведений Пушкина астрофической, строфической и субстрофической формы (распадающихся на строфические периоды). Во второй главе вниманию читателя предлагаются наблюдения над синтаксическим строем поэмы «Руслан и Людмила» и южных поэм Пушкина. В третьей главе дан анализ структуры онегинской строфы как единого сложного синтаксического целого, которое строится или симметрически, т. е. в соответствии с метрическим членением, или асимметрически, т. е. независимо от метрического членения строфы. При этом выделяются и промежуточные случаи неполной симметрии и слабой асимметрии. В четвертой главе работы последовательно раскрывается синтаксический строй Вступления и обеих частей поэмы «Медный Всадник» в форме развернутого синтаксического комментария.

Каждая глава настоящей работы имеет не только отдельный объект изучения, но и свою методику исследования. Синтаксический строй ранних поэм обследуется выборочно, не переходя в последовательный анализ текста поэм в целом. Структура онегинской строфы изучается в пределах каждой отдельной главы «романа в стихах» в целях выяснения основных типов и структурных разновидностей строения строфы, но этот анализ не переходит в последовательный комментарий ко всему тексту романа. В четвертой главе дан сплошной комментарий ко всему окончательному тексту поэмы «Медный Всадник» как типическому образцу субстрофической композиции стихотворной речи.

Это различие в анализе конкретного материала в известной степени обусловлено различием объектов изучения в отдельных главах работы: стихотворных произведений астрофической формы, состоящих из четверостиший вольной рифмовки (вторая глава), строгого единообразия метрической формы онегинской строфы (третья глава) и композиционного объединения наиболее сложных по своему строению строфических периодов «Медного Всадника» (четвертая глава).

В третьей главе работы автор опирается в значительной мере на проведенное им обследование пунктуации беловых автографов романа «Евгений Онегин»; четвертая глава представляет собою переработанное изложение двух глав кандидатской диссертации автора. Материалы настоящей работы были положены в основу специального курса по синтаксису стихотворного языка Пушкина, читанного автором в Московском университете.

Глава I

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЕНИЯ СТИХОТВОРНОЙ РЕЧИ

Анализ синтаксической структуры стихотворной речи требует прежде всего выяснения внутренних соотношений между синтаксическим строем и стихотворным ритмом поэтического произведения. Как правильно отмечено исследователями этих соотношений, «стихотворная фраза есть явление не синтаксическое вообще, а явление ритмико-синтаксическое»¹, и «стих складывается не просто по законам синтаксиса, а по законам ритмического синтаксиса, т. е. такого, в котором обычные синтаксические законы усложнены ритмическими требованиями»². Однако, это вовсе не значит, что в стихотворных строках «слова сочетаются по определенному ритмическому закону и одновременно эти же слова сочетаются по законам прозаического синтаксиса»³ и что таким образом стихотворный синтаксис — «это синтаксис условный, деформированный»⁴. Ведь для реальной стихотворной речи вовсе не существует двойной бухгалтерии синтаксиса ритмического и синтаксиса прозаического. Синтаксис стихотворного языка всегда остается единым, это синтаксис *sui generis*, и стих не деформирует уже готовую прозаическую речь, а формирует речь особым образом и не только ритмически, но и синтаксически.

Примечательна эволюция взглядов на соотношение между ритмом и синтаксисом стихотворной речи в трудах крупнейшего нашего стиховеда покойного Б. В. Томашевского. В своей

¹ Б. Эйхенбаум. Мелодика русского лирического стиха. Пг., 1922, стр. 6.

² О. Брик. Ритм и синтаксис. «Новый Леф», 1927, № 5, стр. 32.

³ Там же.

⁴ Б. Эйхенбаум. Указ. соч., стр. 5—6.

книге «О стихе» Томашевский утверждал, что в стихотворной речи «ритм определяется внесинтаксическими нормами» и поэтому «перестает быть следствием синтаксиса»⁵ в отличие от ритма прозы, который «воспроизводит синтаксис», представляет собою «спектр синтаксиса»⁶. И если в стихотворной речи «тем не менее ритмический строй бывает координирован с синтаксическим», то «в стихе — это особая задача координации двух независимых величин. Именно эту задачу,— заключал Томашевский,— решает поэт, когда «укладывает» речь в стих»⁷. В своей последней работе Б. В. Томашевский устраняет эту прямолинейную резкость противопоставления ритма и синтаксиса, указывая на глубокую внутреннюю связь в стихотворной речи между ее членением ритмическим и синтаксическим. Он утверждает здесь, что стихотворная речь в самой своей структуре характеризуется наличием определенной иногда очень сложной симметрии, т. е. некоторого ритмического закона, «который мы можем мысленно отвлечь от самих слов и схематизировать». И хотя «членение речи в стихе не автоматически, не вытекает из природы высказывания, а мыслимо вне его, но это еще не значит,— продолжает Томашевский,— что членение ритмическое (т. е. осуществляющее этот независимый конструктивный принцип) и членение смысловое и синтаксическое — разобщены. В акте творчества они слиты. Лишь при механическом сложении стихов поэт в буквальном смысле «вгоняет слова в стих», хотя именно механизм стиха и принуждает к какому-то акту, который этими словами формулируется»⁸. Поэтому и ритмизуемый в стихотворной речи материал, по Томашевскому, «слагается не просто из звуков, производимых органами человеческой речи, а из самой речи, со всеми ее выразительными средствами»⁹.

Анализируя синтаксический строй стихотворной речи, следует отметить прежде всего то, что синтаксис стихотворной речи, крепко связанный ритмом, легче выносит сложность синтаксического строения. По наблюдениям Б. В. Томашевского, «у Пушкина проза обладает значительно более простым синтаксисом, чем стих, обладающий гораздо более сложным аппаратом соотношений и связей». Поэтому «синтаксические конструкции, несколько не отяжеляющие речь в стихе, почти немислимы в прозе»¹⁰. Б. В. Томашевский сопоставляет пушкинское четверостишие:

⁵ Б. В. Томашевский. О стихе. Статьи. Л., «Прибой», 1929, стр. 313.

⁶ Там же, стр. 309, 310.

⁷ Там же, стр. 313—314.

⁸ Б. В. Томашевский. Стих и язык. IV Международный съезд славистов. Доклады. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 19—20.

⁹ Там же, стр. 20.

¹⁰ Б. В. Томашевский. О стихе, стр. 315.

Рожденные в снегах для ужасов войны,
Там холодной Скифии свирепые сыны,
За Истром утаясь, добычи ожидают
И селам каждый миг набегом угрожают.

с соответствующим прозаическим текстом, в котором допущены только некоторые формально-синтаксические подстановки: «Родившиеся во льдах для жестокостей сражений, там морозной Скифии жестокие сыновья, за Истром скрываясь, жертвы ждут и селения каждую минуту нападением грозят».

Действительно, подобная фраза с резко ощутимыми в ней инверсивными конструкциями «напоминает изящество подстрочных переводов из Тита Ливия в издании Иогансена»¹¹. Но даже если устранить инверсии, перевод стихотворной речи в прозу обнажает тяжеловесность синтаксического построения. Попробуем, например, передать прозой одно из четырех «люблю» Вступления к поэме «Медный Всадник», заменив инверсивные конструкции «нормальным» словорасположением:

«Люблю тебя, творенье Петра, люблю твой строгий, стройный вид, державное теченье Невы, ее береговой гранит, чугунный узор твоих оград, прозрачный сумрак и безлунный блеск твоих задумчивых ночей, когда я пишу или читаю в моей комнате без лампы, и ясны спящие громады пустынных улиц, и светла адмиралтейская игла, и, не пуская ночную тьму на золотые небеса, одна заря спешит сменить другую, дав полчаса ночи». Несмотря на «нормальное» словорасположение, построенное нами путем минимальной деформации стихотворного текста, сложное синтаксическое целое оказывается в прозе явно перегруженным.

Если во всякой организованной устной и письменной речи предложения, вступая между собою в синтаксические связи, образуют сложные синтаксические целые¹² в составе наших высказываний, то тем органичнее внутренняя связь между предложениями в стихотворной речи, в особенности строфической. Уже в рамках двустипия и четверостишия мы наблюдаем одновременно и метрически правильное расчленение речи на стихотворные строки и тесное объединение этих расчлененных строк параллелизмом метрического строения и рифмовкой.

¹¹ Б. В. Томашевский. О стихе, стр. 315.

¹² О понятии сложного синтаксического целого см. наши статьи: «Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры». — «Доклады и сообщения Института русского языка», вып. 2. М., Изд-во АН СССР, 1948; «Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке». — «Уч. зап. МГУ», вып. 137 (Труды кафедры русского языка), кн. 2, 1948; см. также Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I, гл. VI («Сверхфразные единства»). Изд. 5. Киев, 1952, стр. 392—395; И. Р. Гальперин. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958, стр. 221 и сл.

Можно сказать, что речь, выраженная стихами, естественным образом укладывается в более тесные ритмико-синтаксические единства, чем это наблюдается в речи нестихотворной.

При наблюдении за внешними приемами объединения предложения в более сложные синтаксические единства в стиховой речи прежде всего бросаются в глаза случаи синтаксического повторения и синтаксического параллелизма. Композиционное значение этих средств синтаксической связи между предложениями внутри сложных синтаксических целых очевидно.

Еще 35 лет тому назад В. М. Жирмунский отмечал, что «при рассмотрении стихотворения как синтаксического целого обнаруживаются различные приемы синтаксического сцепления, «сопоставления» его частей — синтаксический параллелизм, повторения (особенно часто «анафоры» и др.)»¹³. В. М. Жирмунский предлагал говорить о сопоставленной группе предложений как наиболее характерной форме сочетания предложений в поэтической речи. «Научный синтаксис, изучающий обыкновенно законы практической речи,— писал он в другой своей работе той поры,— намечает как высшую группу синтаксического построения предложения слитное и сложное, основанное на сочинении или подчинении. Однако группа независимых предложений, как бы примыкающих друг к другу и связанных между собой различными формами параллелизма и повторений, являясь вместе с тем единством в интонационном отношении, представляет из себя тоже синтаксическое образование, достойное внимания и изучения, в особенности в языке художественном»¹⁴.

Изучение сложных синтаксических целых в стихотворной речи, конечно, не может быть ограничено только наблюдениями случаев анафорического построения предложений, синтаксического параллелизма и идентичного повторения отдельных синтаксических звеньев. Синтаксическое своеобразие стихотворной речи и большая ее синтаксическая сложность в сравнении с прозаической речью выражается не только в повторениях, анафорах и параллелизме, но и в большей тесноте синтаксических связей внутри стихотворных строк, в большей расчлененности сложных синтаксических целых самой последовательностью стихотворных строк, в широком использовании присоединительных конструкций, в большей свободе словорасположения, в особой синтаксической роли стиховых переносов (*enjambements*), обуславливающей большую спаянность сложных синтаксических целых в стихотворной речи.

¹³ В. М. Ж и р м у н с к и й. Мелодика стиха. «Мысль». Журнал Петербургского философского общества. Пг., 1922, № 3, стр. 29. Цит. по сб.: «Вопросы теории литературы», Л., «Academia», 1928, стр. 131.

¹⁴ В. Ж и р м у н с к и й. Композиция лирических стихотворений. Пг., «Опояз», 1921, стр. 20.

Поэтому при изучении сложных синтаксических единств в стихотворной речи необходимо прежде всего учитывать разнообразные факторы сложности синтаксической структуры стихотворных произведений, как то: 1) единство и теснота стихового ряда в строке и обусловленная этим конденсация синтаксических связей в предложениях, размещающихся в стихотворные строки; 2) ослабление синтаксических связей при переходе из одной строки в другую и возникновение синтаксических связей по вертикали в смежных и рифмующихся стихах; 3) широкое употребление присоединительных конструкций и других способов композиционно-синтаксического расчленения стихотворных текстов; 4) роль инверсий и различных способов рифмовки при синтаксическом оформлении стихотворной речи; 5) синтаксическая функция стиховых переносов (*enjambements*) в построении сложных синтаксических целых стихотворной речи; 6) специфический характер объединения стихов в синтаксические единства в астрорифических, строфических и промежуточных в отношении строфичности формах стихотворной речи.

1. Предложения последовательно укладываются в стихотворные строки и ритмически соплагаются. При этом распределение синтагм внутри предложений и порядок слов внутри синтагм и являются одним из средств, при помощи которых в русло стиха вмещается живая энергия высказывания, и таким образом группы предложений в рамках стихотворных строк текста получают определенную композицию. Самая разбивка предложений на синтагмы в стихотворной речи обусловлена основными факторами ритмической структуры стиха: теснотой ряда в пределах стихотворной строки и рядоположенностью, сопоставленностью стихотворных строк в строфе. Стихотворная строка представляет собою «ритмическую единицу, образующую в пределах строфы наиболее прочное единство»¹⁵. И в то же время «каждый стих обладает некоторым интонационным единством»¹⁶ и «представляет собой замкнутую речевую единицу — предложение или более или менее обособленную часть предложения»¹⁷. Ритмическое и интонационное единство стихотворной строки получает формальное выражение в обязательности ударения на ее исходе¹⁸.

¹⁵ В Ж и р м у н с к и й. Рифма, ее история и теория. Пг., 1923, стр. 48.

¹⁶ Б. В. Т о м а ш е в с к и й. Стих и язык, стр. 14. О стихотворной строке как интонационной единице см. также J. M u k a ř o v s k ý. *Intonace jako činiteľ básnického rytmu*. «Kapitoly z české poetiky», I, Praha, 1948, str. 170—185; K. H o r a l e k. K problému verseve intonace. «Slavistična revija» (Ljubljana), X, 1957, стр. 185—193; F D a n e š. *Intonace a verš*. «Slovo a slovesnost», XIX, 2, 1958, s. 103—124.

¹⁷ Б. В. Т о м а ш е в с к и й. Строфика Пушкина. «Пушкин. Исследования и материалы», т. II. М — Л, Изд-во АН СССР, 1958, стр. 55.

¹⁸ Для русского классического стиха на это указывают Унбегаун («В двусложных размерах ударение обязательно на последней стопе. Каждое другое ударение может быть опущено». В. О. У н б е г а у н. *Russian Versification*. Ох-

При этом, отмечает Б. В. Томашевский, «стих (т. е. стихотворная строка. — Н. П.) обладает более тесным единством интонации, чем высшие и низшие доли стихотворной речи. Эта интонация более или менее соответствует элементарному фразовому члену прозы»¹⁹. При совпадении с предложением стихотворная строка становится и относительно самостоятельным смысловым единством; но только в сравнительно редких случаях, совпадая с высказыванием, стихотворная строка получает действительную смысловую законченность.

В тесной связи с единством стихового ряда в стихотворной строке, как отмечено Ю. Тыняновым, находится другой объективный признак стихового ритма — теснота стихового ряда — «те тесные связи, в которые стиховое единство приводит объединенные в нем слова»²⁰.

Теснота в пределах стихотворной строки необходимо обусловливает сжатие синтагм и объединение их в большие по объему синтагмы. Поэтому, вследствие конденсации речевого материала в строке, интонационно-синтаксически расчлененные двучленные предложения имеют тенденцию обращаться в нерасчлененные, одночленные²¹, когда рядоположность подлежащего и сказуемого в стихотворной строке соединяет их в одну синтагму, устраняя таким образом интонационную расчлененность подлежащего и сказуемого, а тем самым с исчезновением паузы сказуемости между подлежащим и сказуемым устраняется и то противоположение их друг другу, при котором сказуемое что-то высказывает о противопоставленном ему подлежащем. Подлежащее и сказуемое, не отчленяясь друг от друга, в таком случае, в предложении, ставшем одночленным, совместно констатируют действительность в ее нерасчлененном единстве²². Так, например,

ford, 1956, p. 17) и Тарановский, по мнению которого, «только последнее сильное время в русских двудольных размерах является обязательной тонической константой стиха» (К. Тарановски. Руски дводелни ритмови, I—II, Београд, 1953, стр. 375).

¹⁹ Б. В. Томашевский. Стих и язык, стр. 15.

²⁰ Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка. «Вопросы поэтики», вып. V. Л., «Academia», 1924, стр. 39.

²¹ О разграничении одночленных и двучленных структур в строе предложения см. O. D i t t r i c h. Die Probleme Sprachpsychologie und ihre gegenwärtigen Lösungsmöglichkeiten. Leipzig, 1913, S. 88 uff; H A m m a n n. Die Menschliche Rede. Sprachphilosophische Untersuchungen, II, 1928, S. 42—50, Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915, стр. 143—144; его же. Фонетика французского языка. Изд. 2. Л., 1939, стр. 117—118; ср. В. В. Виноградов. Синтаксические взгляды и наблюдения академика Л. В. Щербы. — «Уч. зап. МГУ», вып. 150 (Русский язык), 1952, стр. 51—52 и 64—70; И. П. Располов. К вопросу о предикативности. «Вопросы языкознания», 1958, № 5.

²² Теоретическому разграничению одночленных и двучленных предложений как основных типов структуры предложений в связной речи посвящен § 2 главы I моей кандидатской диссертации «Синтаксический строй поэмы

в начальной строке XX строфы первой главы романа «Евгений Онегин»:

Театр уж полон; ложь блещут²³;

подлежащее и сказуемое в обоих предложениях оказываются не расчлененными синтаксической паузой, и в силу этого оба предложения являются в данном контексте одночленными по своей структуре предложениями репродуктивного типа²⁴.

В контексте сложного синтаксического единства в стихотворной речи могут утрачивать внутреннюю синтаксическую паузу и сложноподчиненные предложения, которые становятся, таким образом, интонационно не расчлененными. Так, в тексте поэмы «Медный Всадник» сложное предложение «Вот место, где их дом стоит», не выходящее из границ одной стихотворной строки, оказывается интонационно не расчленяемым.

С другой стороны, вследствие единства и тесноты стихового ряда, между отдельными синтагмами и целыми предложениями внутри строки устанавливаются более тесные синтаксические связи, чем это имеет место в прозаической речи. Так, в приведенной выше строчке из «Онегина»:

Театр уж полон; ложь блещут;

соседство двух предложений в пределах одной строки (несмотря на единство контекста всей строфы) с почти принудительной силой заставляет воспринимать эти предложения как однородные; таким образом, даже при наличии после первого предложения точки с запятой, трудно воспринимать это предложение как своеобразный зачин ко всем последующим предложениям строфы.

2. С переходом к элементарной строфе — двустопишиям и четверостишиям — и к более сложным строфическим формам раскрывается в стихотворной речи и более сложное синтаксическое единство. Эта сложность синтаксического строения вносится сукцессивностью стихотворных строк, их разнообразной рифмовкой, широким использованием инверсий, присоединительных конструкций и стиховых переносов как факторов синтаксической связи. В совместном действии этих факторов и сказывается

Пушкина «Медный Всадник» (Строение сложных синтаксических целых в окончательном тексте поэмы). М., 1943, хранится в Институте русского языка АН СССР (машинопись). Ср. автореферат названной диссертации: «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», вып. 1, 1948, стр. 18—20.

²³ Здесь и всюду далее ссылки даются по тексту и в пунктуации юбилейного издания АН СССР: П у ш к и н. Полное собрание сочинений в шестнадцати томах, 1937—1949 гг.

²⁴ См. А. В. Б е л ь с к и й. Типология предложений в современном русском языке. «Уч. зап. 1-го Московского гос. пед. ин-та иностр. яз.», т. II (Вопросы грамматики), 1940, стр. 260.

«общая тенденция к синтаксической замкнутости»²⁵, характеризующей строфу.

Рядоположность стихотворных строк в строфе даже при совпадении синтаксического членения с ритмическим приводит к сложному воздействию стихотворной формы на синтаксический строй строфы. Уже в рамках двустипия и четверостипия (т. е. самых элементарных из всех возможных форм строфы) мы можем наблюдать в этом случае различные синтаксические явления, связанные с ритмом. Во-первых, ослабление или усиление синтаксических связей между предложениями или между членами предложений при переходе из одной строки в другую, что ведет к более резкому разграничению частей в синтаксическом целом; во-вторых, синтаксическое увязывание по вертикали начальных слов в смежных строках, что имеет своим результатом большую спайку друг с другом частей синтаксического целого; в-третьих, взаимную синтаксическую связь в строках, связанных друг с другом смежными, перекрестными и охватными рифмами.

В тех случаях, когда одно распространенное предложение вмещается в объем двух смежных строк или занимает целое четверостишие, происходит более резкое расчленение предложения на синтагмы, равные отдельным стихотворным строкам, причем каждая часть предложения в объеме строки получает некоторую интонационную и смысловую цельность, например:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

«Стансы»

В афористическом двустипии из вступления к поэме «Медный Всадник»:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно...

ритмическим противопоставлением группы подлежащего группе сказуемого в смежных строках усилено самое выражение сказуемости в этом предложении, а модальное значение неизбежности в сказуемом подчеркнуто рифмой. В четверостишии:

Прошло сто лет, и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;

выделением в особую строку подчеркнута синтаксическое приложение и более резко противопоставлены сказуемому «воз-

²⁵ Б. В. Т о м а ш е в с к и й. Стрфика Пушкина, стр. 55.

несся» синтаксически связанные с ним обстоятельства места. «Из тьмы лесов, из топи блат», причем основное противопоставление подчеркнуто вертикальной связью строк:

Из тьмы...
Вознесся...

Б. В. Томашевский в своей книге «О стихе» отметил, что в стихах связь слова с другими словами «определяется не только линейной последовательностью слов, но и принадлежностью его к известному ритмико-синтаксическому разделу», так как в стихе «движение речи происходит в двух направлениях: от слова к слову, и от одной ритмико-синтаксической части стиха к аналогичной части следующего стиха»²⁶. В качестве примера такого «вертикального» движения от стиха к стиху обычно приводят строки из пушкинских «Цыган»:

И смертью — чуждой сей земли
Не успокоенные гости.

Здесь синтаксическая связь управления увязывает друг с другом начала и концы двух смежных стихов, и таким образом обнаруживается, что в отличие от прозы «стих есть речь двух измерений»²⁷.

Иногда начала строк образуют своего рода каркас, на который опирается синтаксическое единство ряда смежных строк, входящих в состав одного распространенного предложения. Такое явление мы наблюдаем, например, в зачине и в исходе первой красной строки Вступления поэмы «Медный Всадник»:

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел.
.....
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

²⁶ Б. В. Томашевский. О стихе, стр. 316.

²⁷ Там же, стр. 317. Позже, в книге «Пушкин» (кн. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 657), Б. В. Томашевский утверждал, что в подобных случаях возникает специфическая для стихотворного языка инверсия, когда «слова, связанные между собою согласованием или управлением, разделяются другими членами предложения .. при этом обычно первый стих распадается на две совершенно независимые части, а второй стих как бы синтезирует разорванную речь, и с ним согласовываются обе части первого стиха (если их две), причем обычно начало первого стиха синтаксически тяготеет к началу же второго, так же как и вторые половины обоих стихов находятся во взаимной синтаксической связи».

Так как стихотворные строки оказываются в организованном, иногда очень сложном по типу строфы ритмическом взаимодействии с другими стихотворными строками, то речевой материал отдельных предложений и их частей оказывается многообразно переплетенным. В силу этого синтаксические связи между предложениями или их частями могут не только усиливаться в пределах строки, но и ослабляться при переходе из одной строки в другую. В качестве превосходного примера воздействия тесноты стихового ряда в строке на смежные синтагмы можно, следуя Пушкину, напомнить строки Батюшкова:

И гордый ум не победит
Любви, холодными словами.

На полях своего экземпляра «Опытов» Пушкин отметил эти строки таким замечанием: «Смысл выходит: холодными словами любви; запятая не поможет».

Распространяя это замечание Пушкина и на его собственные строки, можно было бы указать на общеизвестное расхождение между пунктуацией пушкинских автографов и прижизненных изданий в I строфе второй главы «Евгения Онегина», где, по выражению Г. О. Винокура, «инерция метрико-синтаксических параллелей»²⁸ привела к искажению пушкинской редакции этой строфы.

У Пушкина в I-м беловом автографе этой строфы были такие строки:

Господский дом, уединенный
Горой от ветров огражденный
Стоял над речкою: вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали селы; здесь и там
Стада бродили по лугам.

Во всех изданиях «Онегина» до 1936 г., когда Б. В. Томашевский в Однотомнике дал впервые пушкинскую пунктуацию этих строк, точки с запятой после предложения «Мелькали селы» не было. Таким образом, Пушкину не помогла и точка с запятой; ее сняли редакторы печатных изданий, повинувшись синтаксической «провокации» стихотворной строки. Отнесенное пунктуацией к последующей строке «здесь и там», как несколько ранее «вдали», благодаря единству стихотворной строки продолжает, однако, сохранять побочную, пусть грамматически «незакон-

²⁸ Г. О. Винокур. Слово и стих в «Евгении Онегине» («Пушкин. Сборник статей». — «Труды Московского ин-та ист., филос. и лит. им. Н. Г. Чернышевского», 1941, стр. 163)

ную» и логически неоправданную связь и с предыдущим предложением.

На нелогичность объединения обстоятельственных слов с предшествующим предложением указывал Ю. Н. Щербачев, обнаруживший в Каверинской копии второй главы романа наличие в этой строке разделительного знака. Он справедливо отметил, что «слова «здесь и там» казалось бы более подходят к чему-то подвижному, как стада, чем к предметам неподвижным, как села»²⁹.

Попадая в enjambement типа *contre-rejet*, эти местоименные наречия становятся особенно выразительными, но они не теряют своего композиционного значения — пространственных указаний — для всей строфы³⁰.

Подобным же образом в I строфе пятой главы романа «Евгений Онегин»:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь. Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
.....

указание времени «на третье в ночь», синтаксически отнесенное к предыдущему предложению, в силу единства стихового ряда в строке вступает в «незаконную» синтаксическую связь и с последующим предложением³¹.

3. Что касается сочинительных союзов, то они в стихотворной речи очень часто получают присоединительное значение, оказываясь в начале стихотворной строки или двустипия, замыкающих сложное синтаксическое целое. Таково, например,

²⁹ Ю. Н. Щ е р б а ч е в. *Приятели Пушкина* М. А. Щербинин и П. П. Каверин. М., 1913, стр. 156.

³⁰ Примечательно, что сам Пушкин, исправляя отдельные ошибки в знаках препинания, вкравшиеся в печатные тексты, как показывает, например, список опечаток, приложенный к отдельному изданию шестой главы романа (1828 г.), и делая поправки на печатном экземпляре первой и шестой глав романа (см статью Б. В. Томашевского «Поправки Пушкина к тексту «Евгения Онегина». — «Пушкин Временник Пушкинской комиссии», 2. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936), оставил, однако, несправленной строку «Мелькали селы здесь и там».

³¹ Б. В. Томашевский, отмечая наличие ритмической паузы, отделяющей начальное четверостишие в данной строфе от последующих стихов, находит, что здесь «обособляются слова «на третье в ночь», и последнее слово «ночь» отрывается от главного предложения и семантически сближается (соседством в том же стихе) со словами «Проснувшись рано. .» (Б. В. Т о м а ш е в с к и й. *Строфика Пушкина*, стр. 120—121).

присоединительное употребление союза *и* в следующих примерах из поэмы «Медный Всадник»:

Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам
И запируем на просторе.

И всплыл Петрополь как тритон,
По пояс в воду погружен...

Толкует громко сам с собою —
И вдруг, удара в лоб рукою,
Захотел

Во всех этих примерах союз *и* начинает предложение, завершающее не только сложное синтаксическое целое, но и весь абзац, и имеет присоединительное значение. Аналогичные примеры широкого употребления союзов в присоединительном значении, с большей или меньшей силой обособления по отношению к предшествующему тексту, в начале первого стиха концовки приводит и Г. О. Винокур, анализируя синтаксическую структуру онегинской строфы³². Конечно, не только сукцессивность стихотворных строк и заключительное положение в абзаце обуславливают употребление присоединительных союзов, но прежде всего внутренняя связь между предложениями, которая во всех подобных случаях имеет прерывистый характер и приближается в этом отношении к бессоюзной связи между предложениями. Для нас важно констатировать наличие присоединительных, прерывистых связей между предложениями в составе сложных синтаксических целых, что, как мы уже указывали выше, проводит резкую грань между структурой сложного целого и сложного предложения.

Однако простая последовательность стихотворных строк — еще не достаточное условие для развития присоединительного значения в союзе, если нет никаких других условий, стимулирующих развитие подобного значения в союзе. Например, в строках:

Но долго жители не спали
И меж собою толковали
О дне минувшем.

никакого присоединительного значения в союзе *и* не развивается; союз *и*, несмотря на начальное положение в строке, остается соединительным союзом, сцепляющим два синтаксических звена в одно целое в составе так называемого слитного предложения, а не присоединяет нового синтаксического звена к уже данному.

³² Г. О. Винокур. Слово и стих в «Евгении Онегине», стр. 208—211.